

ЛИТЕРАТУРНЫЕ ДАТЫ

130 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА

DOI 10.37386/2305-4077-2021-2-104-112

О. Б. Заславский¹

Харьковский национальный университет им. В. Н. Каразина

ХАОС БЕЗ КОСМОСА (О СТИХОТВОРЕНИИ О. Э. МАНДЕЛЬШТАМА «СКАЖИ МНЕ, ЧЕРТЕЖНИК ПУСТЫНИ...»)

Проведен структурно-семантический анализ стихотворения Мандельштама «Скажи мне, чертежник пустыни...». Предложена интерпретация ряда загадочных мест – в частности, это относится к «иудейским заботам», которые соотнесены с мотивом рассеяния из-за деятельности ветра. Обнаружена межъязыковая интерференция (между русским и французским языками), ее содержательный смысл связан с мотивами взаимных превращений и неразличения сущностей, характерных для первичного хаоса. Принципиальным свойством мира, представленного в стихотворении, является невозможность однозначного разделения на противоположные сущности: творца и разрушителя, рождение и уничтожение, линейный или циклический процессы и т.д. В этом случае из хаоса никакой космос не рождается, мир остается недоовоплотившимся.

Ключевые слова: линейные и циклические процессы, межъязыковая интерференция, вечность, творение

O. B. Zaslavskii

V. N. Karazin Kharkov National University

CHAOS WITHOUT COSMOS (ON THE POEM BY O. E. MANDELSTAM "TELL ME, DESERT DRAFTSMAN...")

In the article there is carried out a structural-semantic analysis of Mandelstam's poem "Tell me, Desert Draftsman...". Interpretation of a number of mysterious fragments is suggested. In particular, this concerns "Judaic troubles". We argue that in this context they are connected with the motif of scattering because of the wind activity. We also find interlingual interference between Russian and French. Its meaning is related to the motifs of mutual metamorphosis and inseparability of entities typical of primary chaos. The key feature of the world embodied in the poem consists in the impossibility of unambiguous separation to opposite entities such as creator and destroyer, creation and annihilation, linear and cyclic processes, etc. In this case, no cosmos creates from chaos, the world remains "not embodied".

Keywords: linear and cyclic processes, interlingual interference, eternity, creation

¹ Олег Борисович Заславский, доктор физико-математических наук, ведущий научный сотрудник Харьковского национального университета им. В. Н. Каразина.

Введение

Скажи мне, чертежник пустыни,
Сыпучих песков геометр²,
Ужели безудержность линий
Сильнее, чем дующий ветер?

– Меня не касается трепет
Его иудейских забот —
Он опыт из лепета лепит
И лепет из опыта пьет.

Ноябрь 1933 – январь 1934

[Мандельштам, 1967, т. 1, с. 201]

Данное стихотворение относится к циклу «восьмистиший» и, как и другие произведения этого цикла, является «темным» и «загадочным». Возможно, данная ситуация, породившая существенные трудности для анализа³, и привела к тому, что усилия исследователей стали уходить от изучения структуры художественного текста к тому, что лежит за пределами собственно произведения, и концентрироваться либо на общефилософских концепциях⁴, либо на историко-биографических и историко-литературных факторах. Сюда можно, например, отнести роль фигуры М. О. Гершензона [Сендерович, 1999, с. 218] в связи с темой иудейского наследия, тему освоения Палестины еврейским народом [Тарановский, 2000, с. 96] или полемику с В. Хлебниковым [Панова, 2014]. По крайней мере часть этих факторов представляет собой уход далеко от текста. Но даже в тех случаях, когда в неявном виде они и могут в нем присутствовать, такой подход, по нашему мнению, неправомерно смещает акценты – выяснение лежащих за пределами собственно текста подробностей, причем в условиях, когда непонятно главное, является неправомерным превышением точности и уходом от проблемы, попыткой «спрятать трудности под ковер». Стихотворение столь обобщенного характера, которому свойствен предельно высокий уровень абстракции, должно быть, прежде всего, понято в этом своем качестве, а его анализ очищен от излишней конкретики, с этим характером плохо согласующейся. Решающим шагом на пути к пониманию стихотворения должен стать целостный семантический анализ стихотворения, учитывающий художественную природу текста. Ниже представлена попытка такого анализа, предметом которого является внутренняя структура стихотворения⁵.

² Существует вариант текста стихотворения с «арабских песков» [Мандельштам, 1994, т. 3, с. 79], [Мандельштам, 2009, т. 1, с. 187].

³ До настоящего времени последовательная, самосогласованная интерпретация данного стихотворения, по-видимому, отсутствует. См. обзор литературы на эту тему в работе [Видгоф, 2015, с. 8–31].

⁴ См., напр., обсуждение роли философии Бергсона [Гаспаров 2012, с. 608–612]. По мнению Л. М. Видгофа [Видгоф, 2015, с. 8–31], идеи философии Бергсона являются «ключом» к этому стихотворению. О Бергсоне и Мандельштаме см. также [Ковельман, 2008, с. 360–365].

⁵ Автор признателен Л. М. Видгофу и Г. Л. Левинтону за полезные критические замечания по поводу некоторых первоначальных идей работы, оказавшихся тупиковыми.

Линейное versus циклическое

Можно заметить, что с двумя «персонажами» стихотворения связаны противоположные типы движений. Присущая чертежнику «безудержность линий» является проявлением линейного, ничем не остановимого поступательного движения, своего рода прогресса. Ветру же свойственно движение циклическое. Как уже было отмечено Тарановским [Тарановский, 2000, с. 96], во 2-й строфе содержится отсылка к фрагменту из Библии: «Идет ветер к югу, и переходит к северу, кружится, кружится на ходу своем, и возвращается ветер на круги свои» [Еккл. 1, 6]. (Данное наблюдение было повторено в книге В. Мусатова [Мусатов, 2000, с. 430]). Здесь также присутствует довольно очевидный подтекст из Пушкина – фрагмент «Египетских ночей» «Зачем крутится ветер в овраге...». И в Библии, и у Пушкина речь идет о циклическом, возвратном движении. Круговое движение также представлено в тексте и непосредственно, создавая иконизм. Как уже обращал на это внимание В. Мусатов, «круговое движение ветра воспроизведено подчеркнуто смысловой композицией двух заключительных стихов» – «лепет – опыт – лепет» [Мусатов, 2000, с. 430]. К этому добавим, что здесь повторение относится не только к словам, но и к составляющим их элементам – «л», «п», «т». Здесь также присутствует и другой, менее явный иконизм: «опыт» связан с возможностью повторения того, что уже было. Но такое повторение и получается в результате чередования «опыта» и «лепета».

Межъязыковая интерференция и циклический процесс

Оказывается, что в произведении присутствует еще один тип подтекста, связанный не с другими текстами, а с другим языком и межъязыковой интерференцией⁶ [Левинтон, 1979]. Он, как мы сейчас увидим, также основан на идее циклического движения. Одновременно его выявление проясняет одно из «темных» мест стихотворения – сочетание «забот» с «трепетом». Объединение двух разных слов «трепет» и «заботы» посредством «ветра» может быть фонетически оправдано указанием на лежащий в подтексте французский язык. Это получается в результате сочетаний «tur», «tour» и их сопоставления с сочетанием «тр» в русском варианте. А именно, к смысловой сфере, связанной с ветром, относятся слова «*tourbillon*» (вихрь) и «*turbulent*» (вихревой). К сфере забот можно отнести *troubler* (смущать, тревожить, беспокоить).

Рассматриваемое явление становится еще более ярко выраженным при учете английского языка (забота *trouble*, трепет *trembling*). Правда, Мандельштам английским языком не владел [Заметки, 1997]. Однако, учитывая поэтический слух автора и его хотя бы случайные элементарные знания, нельзя исключить, в дополнение к французскому, также и роль английского языка.

Еще одна связь – между лепетом и опытом – также получает подтверждение с учетом межъязыковой игры. «Опыт», «опытный» (*experimental, expérimenté*) соотносится с *perinatal* (родовой, дородовой) и тем самым мотивом младенчества. В результате слова, представляющие опыт и лепет, оказываются связанными

⁶ Значимость данного явления в поэтике Мандельштама нашла многочисленные подтверждения в целом ряде последующих работ.

даже сильнее, чем в русском языке, причем «лепет» как бы попадает внутрь «опыта», будучи его частью. Поэтому возникает иконизм: с одной стороны, слово, обозначающее «опыт», лепится из того, что потом оказывается его меньшей частью («лепет»), а, с другой, меньшую часть можно вычесть (выпить) из большей. Происходит своего рода циркуляция понятия или объекта между разными языками, повторяющая произвольное движение ветра, в том числе круговорот от лепета к опыту и обратно.

Таким образом, три подтекста (из которых два связаны с другими текстами, а один – с другим языком), а также иконические элементы композиции самого произведения ясно указывают на мотив циклического движения, носителем которого является ветер. Такому типу движения противопоставлено линейное, поступательное движение, связанное с «безудержностью» линий.

Иудейские заботы

Одним из наиболее загадочных мест стихотворения является сочетание «иудейские заботы». Какое отношение оно имеет к смыслу и структуре текста? Можно предложить такое объяснение. «Заботой» иудейского народа является сохранение самотождественности несмотря на рассеяние по миру. В данном случае песчинки непрерывно рассеиваются ветром и сами меняют свое местоположение, но ветер поддерживает один и тот же циклический процесс, непрерывно чередуя опыт с лепетом. В данном контексте приобретает смысл и сочетание «арабские» – «иудейские», так как речь идет о сохранении самотождественности в чужой среде.

Проблема самотождественности реализуется в тексте не только через ветер. Сам по себе песок – это масса практически неразличимых частиц, вследствие чего возникает противопоставление отдельной частицы и их множества, а также сопоставление разных элементов. В частности, это реализуется через повторение последовательности разных элементов «л», «п», «т» в последних двух строках, так что после цикла состояние вновь повторяется. Набор песчинок каждый раз меняется, но воспроизводится общая вихревая структура. Другими словами, меняющиеся варианты оставляют неизменным инвариант.

Адекватен ли вопрос?

Вопрос, поставленный в тексте, предполагает дуальное противопоставление: чертежник создает свои линии (вносит структуру в хаос), ветер их разрушает. Однако теперь ясно, что подлинная реальность оказывается более сложной, чем это отражено в таком достаточно наивном вопросе. Противопоставлены не творчество и разрушение, не порядок и хаос, а два типа структуры и процесса ее построения – линейный «прогресс» и циклическое воспроизведение.

Есть еще одна значимая неадекватность, причем как в вопросе, так и в ответе. Дело в том, что и вопрос и ответ предполагают, что за линейную «безудержность» и циклические «заботы» ответственны разные силы, так что чертежник осуществляет первое, а ветер – второе. Однако в реальной пустыне агентом преобразований является только лишь ветер, по сути он и выполняет функцию чертежника, поскольку только ветер вычерчивает новые линии барханов. Поэтому линейный и циклический процессы оказываются двумя нерасторжимыми сторонами единого целого.

Сочетание противоположностей проявляет себя и в «иудейских заботах». Ветер рассеивает песок, но он же и устойчиво воспроизводит одну и ту же структуру в сочетании опыта и лепета. В этом смысле «иудейские заботы» относятся как к самому процессу рассеяния ветром, так и к противодействию ему.

Вечное Ничто

Как соотносится такая картина с процессом творения, можно ли здесь говорить о роли Творца? Например, Г. Померанц вполне определенно указывал, что в стихотворении говорится о «чертежнике пустыни, арабских песков геометре – т.е. о Боге; творце» [Померанц, 2014, с. 191]. Однако сказанное выше заставляет считать такую трактовку односторонней. Скорее, в произведении роли Творца и Хаоса (и, соответственно, разрушителя) соединены и смешаны до неразличения. Одна и та же субстанция порождает и уничтожает, совершает необратимые изменения и циклические повторы.

Что касается ветра, то новые линии (которые можно назвать безудержными) он чертит, разрушая старые. Принципиальный момент состоит здесь в том, что между уничтожением и рождением нового нет никакой грани. Одно сразу же оказывается другим и от него не отделимо. Ветер рассеивает и воспроизводит заново, разрушает и создает, причем в силу непрерывности преобразований и их нелокализованности это предстает как сплошной процесс. Трансформации, происходящие с линиями, не противостоят деятельности ветра, а реализуются с его помощью. Поэтому оба агента (чертежник и ветер) представляют собой неразрывное единство. Еще раз подчеркнем, что вопрос, заданный чертежнику, неправильно поставлен, поскольку предполагает их противопоставление⁷. Причем такая неправильность является художественно значимой, так как она подчеркивает недостаточность дуальных представлений в данном контексте.

Пустыня – это сочетание динамики и нулевого конечного результата. Здесь не может быть полноценного рождения (в том числе, не могут появиться устойчивые формы, характерные для человеческой культуры), но не может быть и полного разрушения. Процесс никогда не заканчивается, а конечный результат никогда не достигается. Получается дурная бесконечность, безуспешно повторяющая одно и то же и не создающая ничего качественно нового.

В стихотворении представлено нечто, моделирующее состояние мира ДО его реального рождения. Более того, здесь оно продолжено во времени в обе стороны: у этого мира пустыни нет ни начала, ни конца. Изображена вечность, так ни к чему принципиально новому и не приводящая.

По сути, здесь художественным образом показано состояние неопределенной среды, модель первичного хаоса, в котором отсутствуют четко выраженные противоположности. Неслучайно в нескольких строках сочетаются

⁷ Подчеркнем, что мы не отождествляем два разных четко оформленных субъекта, а рассматриваем ветер и «чертежника пустыни» как разные обличья чего-то единого и не вполне определенного. Поэтому мы не считаем возможным давать, например, трактовку, согласно которой чертежник это и есть ветер. Скорее, это единый объект без возможности четкой персонализации.

различные стихии: воздух (ветер), земля (песок), не вполне явным образом и вода. Последнее проявляет себя в лепке (как бы смачивание песка, превращение в глину) и выпивании лепета, который затем используется для построения нового опыта. К этому можно прибавить заменитель огня – солнце как характерный фактор, действующий в раскаленной пустыне. Таким образом, присутствуют все основные первоэлементы, но он здесь они относятся к недовоплотившемуся миру.

Природный круговорот, совершаемый ветром, иконическим образом дублируется круговоротом в самом тексте. В том числе это касается роли слова: крутящееся слово как бы повторяет общий круговорот и ни во что не воплощается. В данном контексте слово «крутится» на двух языках сразу, так что соответствующий смысл можно придать и межъязыковой интерференции. Это характерное для поэтики Мандельштама явление представляет собой не формальную игру, а наполнено глубоким смыслом. Он может быть далеко не очевиден⁸, однако существует, причем в разных стихотворениях этот смысл, вообще говоря, разный. В данном случае сочетание русского и французского языков реализует общий мотив неразличения сущностей, характерный для субстанции первичного хаоса.

Если сопоставлять с началом Евангелия от Иоанна «В начале было Слово», то здесь нет самого начала, а слово не рождает новый мир.

«Сыпучих» или «арабских?»

Как известно, существует два варианта произведения, которые отличаются тем, что в одном случае пески названы арабскими, в другом – сыпучими. С темой структуры и хаоса связано именно «сыпучих». Такое определение подчеркивает невозможность реализации замысла чертежника и геометра, поскольку измерение предполагает наличие определенной формы, в данном же случае форма постоянно меняется. Это придает утопический характер любым замыслам «чертежника» и/или геометра. С другой стороны, «арабских» соотносится с «иудейских», тем самым актуализуя тему рассеяния в чужой среде. Таким образом, каждый из вариантов содержателен по-своему.

Заключение

Мандельштаму, как известно, был свойствен интерес к естественным наукам, а восьмистишия, по словам Н. Я. Мандельштам, представляют собой «стихи о познании» [Мандельштам, 1987, с. 188]. Кроме того, особый интерес Мандельштам проявлял к исходному, начальному состоянию мира («Быть может, прежде губ уже родился шопот», Ламарк»). Данное стихотворение естественным образом примыкает к этому ряду. Его отличительная особенность состоит в том, что в нем представлен вечный ничего не рождающий мир. Этот промежуточный мир не гибнет, но и не воплощается во что-то реальное⁹. По сути,

⁸ Ср. вопрос «какое, собственно, приращение смысла мы обретаем, раскрыв то или иное межъязыковое соответствие» – см. [Успенский, 2014, с. 41].

⁹ Если позволить себе аналогию с физикой, то это – художественный опыт исследования «вакуума», неопределенно долго задержавшегося в таком состоянии, так что рождения новой Вселенной не происходит.

данное стихотворение может рассматриваться как поэтический эксперимент, связанный с вопросом: как должен быть устроен мир, в котором нет творческого порождения? Ответ, который может быть вычитан из данного стихотворения, заключается в том, что такой мир должен быть лишен полноценного разделения на противоположности. Они либо изначально отсутствуют, либо, наоборот, сливаются до неразличимости или следуют друг за другом сплошным потоком. Что же касается роли поэтического слова, то ценности поэтического мира Мандельштама, с ним связанные, представлены здесь в недореализованном, недовоплотившемся виде.

По-видимому, именно все эти особенности препятствовали исследователям, опирающимся на позитивные ценности мандельштамовского поэтического мира, дать внутренне непротиворечивую интерпретацию данного стихотворения.

Как следует из высказанных выше соображений, для описания общей смысловой структуры нет необходимости апеллировать к историко-литературной конкретике, которая могла бы стоять за текстом, – например, выявлять, кто или что скрывается за образами ветра и чертежника среди современных автору литераторов. Воплощение в тексте столь абстрактных, общих категорий не предполагает их дальнейшей конкретизации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

Гаспаров, М.Л. «Восьмистишия» Мандельштама / М.Л. Гаспаров. Избранные труды. Т. IV. Лингвистика стиха. Анализ и интерпретации. – Москва, Языки славянской культуры, 2012. – С. 608–612.

Видгоф, Л. М. О стихотворении Осипа Мандельштама «Скажи мне, чертежник пустыни...» / Л. М. Видгоф // Видгоф Л. М. Статьи о Мандельштаме. – Москва: Новый хронограф, 2015. – С. 8–31.

Заметки Н.Я. Мандельштам. «Любил, но изредка чуть-чуть изменял». Заметки Н. Я. Мандельштам на полях американского «Собрания сочинений» Мандельштама // *Philologica*. – 4 (1997). – С. 169–199.

Ковельман, А. Осип Мандельштам как экзегет / А. Ковельман // «Сохрани мою речь...». Записки Мандельштамовского общества. Вып. 4/2. – Москва: Изд-во РГГУ, 2008. – С. 340–369.

Левинтон, Г.А. Поэтический билингвизм и межъязыковые явления / Г. А. Левинтон // Вторичные моделирующие системы. – Тарту 1979. – С. 30–33.

Мандельштам, О. Собрание сочинений: в 3 т. Под ред. Г.П. Струве и Б.А. Филиппова. Т. 1 / О. Мандельштам. – Вашингтон: Международное литературное содружество, 1967. – 554 с.

Мандельштам, О. Собрание сочинений: в 4 т. Т. 3 / Сост. П. Нерлер, А. Никитаев / О. Мандельштам. – Москва: Арт-Бизнес-Центр. 1994. – 530 с.

Мандельштам, О. Полное собрание сочинений и писем. Составление, подготовка текста и комментарии А.Г. Мец / О. Мандельштам. – Москва: Прогресс-Плеяда, 2009.

Мандельштам, Н. Я. Воспоминания. Книга третья / Н. Я. Мандельштам. YMCA-PRESS.– Paris, 1987.– 346 с.

Мусатов, В. Лирика Осипа Мандельштама / В. Мусатов.– Киев. Ника – Центр. 2000.– 561 с.

Панова, Л. Разговор о ветре: Хлебников в мандельштамовском восьмистишии «Скажи мне, чертежник пустыни...» / Л. Панова // Вопросы литературы.– № 1.– 2014.– С. 113–143.

Померанц, Г. Страстная односторонность и бесстрашие духа / Г. Померанц.– Москва; Санкт-Петербург, 2014.– 616 с.

Сендерович, С. Мандельштам и Гершензон. Заметки к пониманию «Восьмистиший» Мандельштама / С. Сендерович // Поэтика. История литературы. Лингвистика [сборник]. К 70-летию Вяч. Вс. Иванова.– Москва: ОГИ, 1999.– С. 218–225.

Тарановский, К. О поэзии и поэтике / К. Тарановский.– Москва: Языки русской культуры, 2000.– 432 с.

Успенский, Ф. Б. Работы о языке и поэтике Осипа Мандельштама / Ф. Б. Успенский.– Москва: Фонд развития фундаментальных исследований, 2014.– 216 с.

REFERENCES:

Gasparov, M. L. «Vos'mistishija» Mandel'shtama. / M. L. Gasparov. Izbrannye trudy. T. IV. Lingvistika stiha. Analizy i interpretacii.– Moskva: Jazyki slavjanskoj kul'tury, 2012.– S. 608–612.

Kovel'man, A. Osip Mandel'shtam kak jekzeget / A. Kovel'man // «Sohrani moju rech'...». Zapiski Mandel'shtamovskogo obshhestva. Vyp. 4/2.– Moskva: RGGU, 2008.– S. 340–369.

Levinton, G. A. Pojeticheskij bilingvizm i mezh#jazykovye javlenija / G. A. Levinton // Vtorichnye modelirujushhie sistemy.– Tartu, 1979.– S. 30–33.

Mandel'shtam, O. Sobranie sochinenij: v 3 t. T. 1 / Pod red. G. P. Struve i B. A. Filippova / O. Mandel'shtam.– Vashington: Mezhdunarodnoe literaturnoe sodruzhestvo, 1967.– 554 s.

Mandel'shtam, O. Sobranie sochinenij: v 4 t. T. 3 / Sost. P. Nerler, A. Nikitaev / O. Mandel'shtam.– Moskv: Art-Biznes-Centr, 1994.

Mandel'shtam, O. Polnoe sobranie sochinenij i pisem. Sostavlenie, podgotovka teksta i kommentarii A. G. Mec / O. Mandel'shtam.– Moskv: Progress-Plejada, 2009.

Mandel'shtam, N. Ja. Vospominanija. Kniga tret'ja / N. Ja. Mandel'shtam. YMCA-PRESS", Paris, 1987.– 346 s.

Musatov, V. Lirika Osipa Mandel'shtama / V. Musatov.– Kiev: Nika – Centr, 2000.– 561 s.

Panova, L. Razgovor o vetre: Hlebnikov v mandel'shtamovskom vos'mistishii «Skazhi mne, chertezhnik pustyni...» / L. Panova // Voprosy literatury. – 2014. – № 1. – S. 113–143.

Pomeranc, G. Strastnaja odnostonnost' i besstrastie duha / G. Pomeranc. – Moskva; Sankt-Peterbbrg. 2014. – 616 s.

Senderovich, S. Zametki k ponimaniju «Vos'mistishij» Mandel'shtama / S. Senderovich // Pojetika. Istorija literatury. Lingvistika [sbornik]. K 70-letiju Vjach. Vs. Ivanova. – Moskva: OGI, 1999. – S. 218–225.

Taranovskij, K. O poezii i pojetike / K. Taranovskij. – Moskva: Jazyki russkoj kul'tury. 2000. – 432 s.

Ouspensky, F. B. Works on the language and poetics of Osip Mandelstam / F. B. Ouspensky. Moscow: Foundation for the Development of Fundamental Research, 2014. 216 p.

Vidgof, L. M. O stihotvorenii Osipa Mandel'shtama «Skazhi mne, chertezhnik pustyni...» / L. M. Vidgof // Vidgof L. M. Stat'i o Mandel'shtame. – Moskva: Novyj hronograf, 2015. – S. 8–31.

Zametki, «Ljubil, no izredka chut'-chut' izmenjal». Zametki N. Ja. Mandel'shtam na poljah amerikanskogo «Sobranija sochinenij» Mandel'shtama. Philologica 4 (1997). – S. 169–199.